ЗМІСТ

Безродные шпионы. Тайная стража у колыбели Израиля

Подивитись анотацію та купити на **jurkniga.ua**

Анотація

У стран есть тайные истории и тайные личины, как и у их шпионов. Наступил 1948-й — год окончания срока британского мандата в Палестине. Государство Израиль еще не существует, но его тайные агенты уже ведут сложнейшую разведывательную игру. Внедрение в арабскую среду, сбор информации, подготовка диверсий, опасные встречи и работа под чужой личиной — вот призвание бесстрашных молодых шпионов. У них еще нет своей страны, но они готовы отдать за нее жизнь. Они полагаются только на смекалку, удачу и подержку товарищей. Цена ошибки — смерть.

Журналист Матти Фридман, в прошлом репортер «Ассошиэйтед Пресс», представляет новое журналистское расследование, посвященное созданию знаменитой политической разведки Израиля «Моссад» — одной из самых могущественных разведывательных служб мира. Захватывающая история основана на свидетельствах выживших разведчиков и впервые рассекреченных документах из военного архива Израиля.

Матти ФРИДМАН

БЕЗРОДНЫЕ ШПИОНЫ

ТАЙНАЯ СТРАЖА У КОЛЫБЕЛИ ИЗРАИЛЯ

Издательский дом
«С В А Р О Г»
Киев – 2023

УДК 821.411.16
Ф 888

Фридман, Матти
Ф 888 Безродные шпионы. Тайная стража у колыбели Израиля / Матти Фридман. — Киев: Изд. дом «СВАРОГ», 2023. — 268 с.

ISBN 978-966-370-772-3

У стран есть тайные истории и тайные личины, как и у их шпионов».

Наступил 1948-й — год окончания срока британского мандата в Палестине. Государство Израиль еще не существует, но его тайные агенты уже ведут сложнейшую разведывательную игру. Внедрение в арабскую среду, сбор информации, подготовка диверсий, опасные встречи и работа под чужой личиной — вот призвание бесстрашных молодых шпионов. У них еще нет своей страны, но они готовы отдать за нее жизнь. Они полагаются только на смекалку, удачу и подержку товарищей. Цена ошибки — смерть.

Журналист Матти Фридман, в прошлом репортер «Ассошиэйтед Пресс», представляет новое журналистское расследование, посвященное созданию знаменитой политической разведки Израиля «Моссад» — одной из самых могущественных разведывательных служб мира. Захватывающая история основана на свидетельствах выживших разведчиков и впервые рассекреченных документах из военного архива Израиля.

ISBN 978-966-370-772-3 УДК 821.411.16

Copyright © Matti Friedman, 2019, 2023.

Предисловие

Из четырех разведчиков, героев этого повествования, до наших дней дожил один Ицхак. Сейчас, когда я пишу эти строки, ему, бывшему бойцу-очкарику из закоулков Алеппо, 93 года. Познакомить нас вызвался другой бывший сотрудник израильской разведки, ныне пенсионер, которого я знал по работе над иным сюжетом. Я встретился с Ицхаком не потому, что слышал о нем самом или о небольшом подразделении, в котором он служил в момент создания государства, а по той веской причине, что убедился за годы журналистской работы: общение со старым разведчиком никогда не бывает напрасным.

В итоге наше общение затянулось на годы: мы часами беседовали на фоне оливкового кафеля его кухни на седьмом этаже в жилом доме к югу от Тель-Авива. Иногда он медленно подходил к плите и варил кофе в турке с длинной ручкой, вроде тех, которые ставят на походный костер. Он взвешивал каждое свое слово; болтливость у этих людей не в чести. Память у него была острая как бритва. Иногда могло показаться, что Война за независимость только что завершилась, а то и вообще не кончалась.

Смеялся он чаще, чем можно было ожидать, — почти после каждой фразы, сопровождая басовитое «хе-хе-хе» покачиванием головы, от которой мало что осталось, кроме ушей, носа и улыбки. Впрочем, то, что вызывало у него смех, редко бывало забавным. Он не преуменьшал события, просто не уставал поражаться всему тому, что ему довелось повидать и пережить. Когда он говорил, то и дело проглядывал прежний Ицхак — наблюдательный, быстрый, ненасытный. Он изображал других: и тех, кто дожил до старости и умер в своей по-

стели, и тех, кто семьдесят лет назад отважно ринулся в ураган событий и сгинул.

Впервые появившись на овощном рынке Тель-Авива в 1942 году, Ицхак, арабоязычный подросток без гроша в кармане, торговавший на корточках перцами из ящика, мог бы там и остаться. Многие застряли на таких рынках — например, мой прадед, продававший с тележки апельсины в Нижнем Ист-Сайде на Манхэттене. Но с Ицхаком вышло иначе. Его подхватила и увлекла причудливая волна. Он мог бы закончить свои дни в двадцать три года среди песков с пулей в голове, как случилось с некоторыми из его друзей, или в петле в тюремном дворе, не оставив о себе почти никакой памяти. Но ему удалось выжить. Он мог бы избежать риска, но это значило бы согласиться с уничтожением еврейского государства в самой его колыбели, в 1948 году. Но не произошло и этого — и вот мы здесь, в этом государстве, нашем государстве, сидим за столом у Ицхака на кухне.

«Шпионаж, — заметил однажды Джон Ле Карре, — это секретный театр нашего общества». У стран есть тайные истории и тайные личины, как и у их шпионов, и из этих подвалов открывается своеобразный вид на мир наверху. Именно в этом, наряду с влечением к рассказам тайных агентов о двойных идентичностях, — причина моего интереса к этим людям и к их невероятным приключениям. Сами эти люди — порой важное свидетельство о стране, которую они помогали создавать.

За годы моего общения с Ицхаком произошло грандиозное крушение арабского мира и разрушение Алеппо, города, где он родился и провел детство, в сирийской гражданской войне. Наши встречи происходили на фоне всех этих событий. В 2011 году, когда мы познакомились, Алеппо еще был мирным городом, только синагоги там простояли пустые все десятилетия после бегства семьи Ицхака и всех евреев из этого города и из

всех арабских стран. Но вскоре опустели и церкви, и многие мечети; большая часть огромного арабского мегаполиса превратилась в развалины.

У нас на глазах люди в отчаянии пересекали Средиземное море, высаживались на греческих берегах и тянулись вглубь Европы с детьми и пожитками. По всему Ближнему Востоку уничтожались или бежали с насиженных мест христиане, зороастрийцы, мандеи и езиды, мусульмане-сунниты, жившие раньше среди шиитов, шииты, жившие раньше среди суннитов, люди, мыслившие или поступавшие иначе, люди, не имевшие племенной защиты. Ненависть ко всем, кто не похож на тебя, представление, что проблему можно решить только при исчезновении таких людей, — порой это начинается с евреев, но никогда на них не заканчивается.

Одна из наших с Ицхаком бесед проходила не у него на кухне, а в торговом центре в его районе, где многие жители происходят из исламских стран, как сам Ицхак и половина всех израильских евреев.

На верхнем этаже мигал неоном и громыхал электронными взрывами зал видеоигр, полный бедолаг-родителей, оказавшихся здесь из-за летних каникул и липкой жары снаружи. В «Макдоналдсе» было не протолкнуться, пластмассовая игровая площадка была набита битком. В магазине «Афродита» шли на ура алые лифчики. Женщина в очках с оранжевой оправой заполняла лотерейную карточку.

Люди, появившиеся на свет в еврейских кварталах Туниса и Алжира, щеголяли в разноцветных солнечных очках и кроссовках. Здесь были евреи из иракского Мосула, захваченного Исламским государством[1], — в иной ситуации они оказались бы во рвах вместе со своими соседями езидами, а здесь они, наслаждаясь прохладой от кондиционеров, пили латте и лакомились кошерными наггетсами, пока их детишки прыгали

на батуте, вопя на иврите. Все они были израильтянами — но не пионерами-кибуцниками, воплотившими мечты сионистов, не сиротами, от которых отвернулась Европа. Нет, это были уроженцы исламского мира, чья жизнь переплелась с судьбой исламского мира, подобно жизни дедов их дедов. Это был Израиль, но не тот, который обычно показывают и живописуют.

За столиком сетевого кафе рядом с эскалатором сидел разведчик Ицхак Шошан — в прежней жизни Заки Шашо из Алеппо, известный также как Абдул Карим Мухаммед Сидки из Бейрута. В его повествовании о том, как у него на глазах рождался Израиль, не было привычных нам действующих лиц, и звучал этот рассказ непривычно, зато он объяснял настоящее лучше, чем все, что мне доводилось слышать раньше. То была ближневосточная история. Потом я вышел на улицу и увидел ее другими глазами. Тогда я и решил, что настало время поделиться этой историей.

Я опирался на интервью, взятые у Ицхака и других людей, на документы из военного архива Израиля, в том числе впервые рассекреченные по моему запросу, на документы из архива Хаганы — еврейской подпольной армии, действовавшей до образования государства, а также на неопубликованные свидетельства участников событий, ушедших из жизни до того, как я решил с ними побеседовать. Особенно пригодились две вышедшие только на иврите и давно не переиздававшиеся книги об истории Арабского отдела. Первую, пера историка Цвики Дрора, выпустило в 1986 году Министерство обороны Израиля — ее я для простоты буду называть «официальной». Вторую, изданную в 2001 году, написал на закате жизни один из наших четырех агентов, Гамлиэль Коэн. Я привожу цитаты из документов, аудиозаписей, своих интервью. Отсутствие примечаний означает цитирование по памяти. В конце книги перечисляются источники.

Неписаные правила шпионской литературы требуют, кажется, чтобы герои меняли ход истории или по меньшей мере ход войны, в которой участвуют. Как это ни соблазнительно, так бывает, боюсь, нечасто, и в случае наших разведчиков этого не произошло, как ни велик был их вклад в исход войны. Их деятельность не привела ни к драматическим событиям, позволившим избежать катастрофы, ни к решению дьявольской головоломки. Их историческое значение — в другом: они стали эмбрионами одной из самых могущественных разведывательных служб мира, «скромным началом долгой плодотворной традиции», как назвали их историки Бенни Моррис и Йен Блэк, «прямой связью между мелким любительством, каким была сионистская разведка в самом начале, и серьезными профессиональными усилиями, предпринятыми после 1948 года».

Как указывает в своей официальной истории Цвики Дрор, в израильской разведке учат, что нашим началом послужило подразделение «Заря», из которого выросли крупные операции и все то, что в последующие годы стало известно всему миру как «подвиги „Моссад“». Эти подвиги — полезная мифология для маленькой страны, находящейся в опасном положении; они затушевывают уязвимость народа. Но мы пишем только о народе и о его уязвимости, о затушевывании речи не идет.

Это не всеобъемлющая история рождения Израиля или израильской разведки, даже не самого этого подразделения. Речь идет о двадцати ключевых месяцах, с января 1948-го до августа 1949 года, о двух левантийских портах в восьмидесяти километрах друг от друга и о четырех молодых людях, угодивших с периферии в самую гущу событий. Я искал не столько суть исторических событий, сколько их человеческое сердце, — искал и находил.

Часть I
Хайфа

1. Лазутчик

Улицу переходил молодой человек в новом костюме, с настоящим паспортом на вымышленное имя. Стоял январь 1948 года; в Хайфе это дождливый сезон. Над портом громоздилась гора Кармель одного зеленого оттенка; по другую сторону простиралось Средиземное море другого оттенка того же цвета; все это было накрыто низким серым небом. Молодой человек решительно шагал с чемоданом в руке. Он торопился на самолет. Судя по одежде и повадкам, он не был ни рабочим, ни преподавателем — скорее, сыном лавочника из арабских кварталов; последнее соответствовало действительности. Он называл себя Юсефом; давайте и мы до поры до времени будем звать его этим именем.

Молодой человек напускал на себя целеустремленный вид, но его притворная собранность была блефом, как и его имя. Ему нужно было только взять билет и попасть в маленький аэропорт за городом, но он знал, что эта непростая задача. Война шла всего полтора месяца, но расстояние между жизнью и смертью уже стало пустяковым, длиной в ошибочно употребленный глагол, в опрометчивый ответ на резкий вопрос. Деталь одежды могла стать решающей: сельский житель, обутый как городской клерк, слишком чистая рубашка на работяге. Город был пропитан новым, смертоносным электричеством — страхом шпионажа и диверсий. Стены, мимо которых торопился Юсеф, были заклеены плакатами Арабского национального совета:

К благородному арабскому населению:
опасайтесь пятой колонны!

Или:

Благородные арабы!

Национальный комитет не жалеет сил, выполняя свой долг перед вами, он сознает всю величину своей ответственности по спасению родины и освобождению ее от всех врагов.

В архиве сохранилась фотография Юсефа, она поможет нам представить эту картину.

Хайфа была главным портом Британской Палестины — наполовину еврейским, наполовину арабским городом, не столько единым целым, сколько скоплением кварталов, тянувшихся от причалов вверх по склонам Кармеля и связанных друг с другом извилистыми дорогами и каменными лестницами; у воды обитали арабы, выше, на горе, — евреи. В отличие от Иерусалима, привлекавшего почти все внимание и вызывавшего бурю страстей, Хайфа была не скопищем оспариваемых святых мест, а городом- тружеником с нефтеперерабатывающим заводом и складами, полным мошенников и бурной деятельности, обычно кипящей в портах и вокруг. Там звучали не только иврит, английский и диалекты арабского, но и греческий, турецкий, идиш и русский. Над портом вот уже три десятилетия, со дня прихода британцев, реял «Юнион Джек». Но теперь все разваливалось прямо на глазах.

Юсеф торопился по притихшим вопреки обыкновению арабским улицам в транспортное агентство за билетом, чтобы покинуть Хайфу и страну. Всю ночь вдоль опутанной колючей проволокой линии разделения между арабским и еврейским секторами велся снайперский огонь, и люди испуганно затаились. В предыдущие недели еврейские бойцы проводили кровопролитные операции в соседнем квартале, где жили арабы, работники нефтеперерабатывающего завода, — возмездие за убийство арабами с завода коллег-евреев. Это убийство, в свою очередь, стало местью за подрыв евреями арабской автобусной остановки близ завода, совершенный в отместку за… Тут след теряется, что и понятно. В Хайфе переход из квартала в квартал всегда был беспрепятственным, но теперь все жители засели по разные стороны разделительного барьера.

Глядя на эти события прошлого, мы понимаем, что речь идет о начальном этапе конфликта, названного впоследствии израильской Войной за независимость, или Войной 1948 года;

арабы назовут его Катастрофой. В начале 1947 года британцы объявили о своем скором уходе из Палестины из-за исчерпанных сил и финансов в только что завершившейся Мировой войне и невозможности управлять двумя народами, враждебными Великобритании и друг другу. На драматическом голосовании в Нью-Йорке в конце того же года, 29 ноября, Объединенные Нации постановили, что после прекращения британского мандата в Палестине летом следующего года страна должна быть поделена на два государства, еврейское и арабское. Евреи ликовали, как утопающие, которым бросили спасательный круг; арабский мир возмутился новым унижением своей цивилизации, и на следующее утро грянула война.

Может показаться, что события неминуемо приближались к известной нам теперь исторической развязке, но в январский день 1948 года, когда Юсеф объявился в Хайфе, никакой неизбежности еще не существовало, никто еще ничего не знал. Государства Израиль еще не было, и вероятность его появления казалась ничтожной. ООН не обладала инструментами для навязывания своего плана раздела. На улицах еще оставались британские солдаты и полицейские; королевский средиземноморский флот, ублажая арабское население, не подпускал к берегу суда с оружием и еврейскими беженцами. Но с приближением ухода британцев их силы иссякали, а гражданская война между евреями и арабами набирала силу. Вспышки насилия происходили и раньше, но теперешнее столкновение было решающим. Его результат должен был стать катастрофой — это сомнений не вызывало. Неясно было только, катастрофой для кого.

Я неоднократно бывал в Хайфе и, бродя по ее старым кварталам, пытался представить здешнюю жизнь, какой ее видел Юсеф. Устланную изнутри коврами Большую мечеть с оттоманским минаретом — часовой башней, — некогда вмещав-

шую толпы молящихся, теперь не разглядеть рядом со сверкающим стеклами изогнутым небоскребом «Парус». Над изящными каменными зданиями высятся краны современного порта. Улицы, по которым проходил тогда Юсеф, по-прежнему полны жизни, но носят другие названия. На черно-белых фотографиях сороковых годов тянутся ряды лавок, на рабочих — кепки и мешковатые штаны, тут и там мелькают британские солдаты, но ощущения повседневной жизни не уловить. Люди, без которых нет города, обычные люди, занятые обычными повседневными делами, не стремятся запечатлевать себя и свои занятия и почти не оставляют следов.

След арабской Хайфы можно отыскать в архиве Хаганы — вооруженного еврейского подполья, действовавшего до Войны за независимость. У разведывательного отдела Хаганы была своя информационная служба, сотрудники которой наблюдали за арабской частью города. У этой службы был широкий взгляд на содержание разведывательной деятельности. Сотрудники собирали всевозможные любопытные сведения, печатая страницу за страницей на иврите. Теперь плоды их трудов занимают десятки картонных коробок и папок в симпатичном старом здании неподалеку от бульвара Ротшильда в Тель-Авиве.

Благодаря их содержимому можно представить, какими видел Юсеф в январе 1848 года эти улицы: прокуренные рабочие забегаловки близ порта, где «крики официантов и ругань картежников перемешивались с завываниями радиоприемника», «попрошайки бормотали фразы из Корана и благословляли спешивших мимо прохожих», рыночная толчея, женщины в дверях борделей, зазывающие мужчин, заведения слегка поприличнее чуть подальше от причалов… Если требовалось заглянуть в кафе, чтобы поболтать о политике или купить из-под полы гашиш или огнестрельное оружие, то существовали следующие варианты:

♦ «Кукаб эс-Сабах» («Утренняя звезда») на Кингс-стрит, 28, где заправлял мусульманин Кассем Джабер, — излюбленное место всякого сброда. Музыка, спиртные напитки;

♦ кафе «Джордж», улица Алленби, 1, хозяин — христианин Фадул Джамил Кавар. Место встреч активистов — националистов и иных;

♦ кафе «Виндзор», хозяин — Чарльз Бутаджи, финансировавший покупку оружия во время арабского восстания в конце 1930-х годов;

♦ кафе «Фарид», улица Вади Салиб, 28, хозяин — Фарид Шаабан аль-Хадж Ахмад, активный сторонник мусульманских активистов, возглавляемых муфтием Иерусалима;

♦ безымянное кафе некоего Жоржа Шульца в доме 28 на бульваре Кармель. Шульц — гражданин Швейцарии, подозреваемый в шпионаже на немцев и итальянцев. Его жена, венгерская еврейка Розица, приняла христианство. В заведении «постоянно велась антисионистская пропаганда»;

♦ заведение некоей вдовы Бадии, популярное у британских полицейских и у «задрапированных женщин с неопределенными занятиями и намерениями».

Когда Юсеф добрался наконец незамеченным до транспортного агентства, его ждала первая неприятность: в агентстве никого не оказалось, окно было задраено, внутри темно. Юсеф убедился, что многие окрестные лавки тоже закрыты, хозяева, напуганные ночной стрельбой, остались дома. Но ему был необходим билет на самолет, оставалось только ждать. Пока он стоял на тротуаре со своим чемоданом, к нему приблизился молодой человек.

— Ты откуда? — прозвучал вопрос на арабском.

— Из Иерусалима, — ответил Юсеф, использовав арабское название города — Эль-Кудс. — Жду, когда откроется

агентство.

— Это вряд ли, — возразил молодой человек, пристально глядя на Юсефа.

Что-то в облике или выговоре Юсефа вызвало у него подозрение. Юсеф изображал выговор араба из Иерусалима, но, возможно, не сумел скрыть своего родного акцента. Или как-то не так выглядел? Хуже всего было бы сейчас попробовать убежать. Поэтому Юсеф старательно ответил на все вопросы, после чего недоверчивый незнакомец, так и не удовлетворившись его ответами, скрылся за углом.

Его быстро сменил еще один, из числа разносчиков кофе, каких было много на улицах арабской Хайфы. Этот повел себя дружелюбнее.

— Послушай, — прошептал он Юсефу, — тебя хотят убить. Лучше скройся.

Агентство было-по-прежнему закрыто, сотрудник все не появлялся.

— Ты не представляешь, что здесь творится, — не унимался разносчик. — Здесь каждый сам за себя, любой — и судья, и палач. Что хотят, то и делают, никто им не указ.

Все оборачивалось против Юсефа. Так бывает с пловцом, попавшим в опасное течение: чем сильнее он барахтается, тем неумолимее его тянет ко дну. Лучше всего не двигаться и постараться обмануть самого себя. Юсефу были ясны все шансы «за» и «против». Они имели для него человеческие лица: недавно эти лица разговаривали, смеялись, но теперь посуровели, стали зловещими, превратились в иллюстрации того, какой будет его участь, если он бросится наутек.

Тремя неделями раньше группа Хаганы, прослушивавшая телефонные линии арабов, перехватила переговоры двух арабских ополченцев из города Яффо. Это произошло 20 декабря 1947 года, на двадцать первый день войны, в 15:30.

Файяд: Отправляю тебе двух парней, есть подозрение, что они иракские евреи. Допроси их и реши, что делать.

Абдул Малек: Они уже у меня. Трудно сказать, евреи ли они, у них хороший арабский. Особенно подозрителен мне тощий. Я велел им исповедаться, и он неверно омыл лицо. Они побудут здесь, пока мы будем устанавливать их личности.

Арабское ополчение задержало двух подозрительных парней в рабочей одежде. Оба говорили по-арабски с иракским акцентом, но это было в порядке вещей: в Британской Палестине работали люди со всего арабского мира. Эти двое ничем не отличались от сотен других. Их ошибка состояла в звонке с местной арабской почты в соседний еврейский Тель-Авив. Звонок привлек внимание арабского осведомителя на телефонной станции, тот оповестил отряд, и во второй половине дня парней уже допрашивали.

Чтобы установить их личности, командир отряда Абдул Малек приказал им совершить ритуальное омовение перед исламской молитвой — элементарная задача для любого мусульманина: руки, рот, ноздри, лицо… Один нарушил священную последовательность. Оба тем не менее настаивали, что они мусульмане, хорошо говорили по- арабски, и понять, арабы они или евреи, никак не получалось.

Второй разговор был перехвачен в 18:45.

Абдул Малек: Насчет двух парней. Отведи их в гостиницу и посели в разных комнатах. Там должен быть кто-нибудь, говорящий на иврите. Пусть он станет соседом одного из них и пусть обратится к нему поздно ночью на иврите. Если парень еврей, то ответит спросонья на иврите. Так же поступи со вторым.

Абдулла: Хорошая мысль! Мы так и поступим. Абдул Малек: Что они сейчас делают?

Абдулла: Плачут и кажутся голодными.

Абдул Малек: Придется кормить, пока не узнаем, кто они.

Возможно, один из молодых арабов заговорил во сне на иврите; возможно, они выдали себя как-то еще. Неизвестно, что случилось потом, известна только развязка: одного застрелили, а другого убили ударом по голове, обоих зарыли в дюнах за городом. Понадобилось тридцать лет, чтобы останки казненных случайно откопали строители, и почти шестьдесят — чтобы установить их личности. В 2004 году стало известно, что одного звали Гидеон, а другого Давид, обоим было по двадцать одному году.

Через два дня после ареста в Яффо, 22 декабря, близ Лода был схвачен при аналогичных обстоятельствах девятнадцатилетний разносчик. Палачи столь ловко спрятали его тело, что оно так и не было найдено. Поимка четвертого самозванца близ Яффо попала в прессу. 24 декабря арабская газета «Эш-Шааб» сообщила об аресте милицией говорившего по-арабски еврея, твердившего в доказательство того, что он мусульманин, ритуальную формулу, шахаду: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его». Его уже собирались расстрелять в рощице, но заколебались и передали британской полиции. Всего за четыре дня четверо попались, трое из них расстались с жизнью. Любой человек с арабской стороны, способный сопоставлять факты, догадывался, что евреи что-то замышляют.

Через три недели, в Хайфе, Юсеф, настороженный вопросами недоверчивого незнакомца и предостережением разносчика кофе, понял, что ему надо скрыться. Ему говорили, что он будет лазутчиком, стоящим целого пехотного батальона. Но пока что ему даже не удавалось покинуть Хайфу. Он последовал за разносчиком в лавку мясника. Войдя туда, он увидел, что мясник — христианин: об этом свидетельствовали свиные окорока и ледник с пивом; то и другое запрещено исламом.

— Сядь, — сказал ему мясник. — Ты кто?

Содержание

Предисловие 3

Часть I
Хайфа

1. Лазутчик 9
2. Лагерь 24
3. Автомастерская 30
4. Наблюдатель (1) 39
5. «Тигр» 44
6. Ицхак 48
7. Операция «Скворец» 73
8. «Кедр» 78
9. Наблюдатель (2) 88

Часть II
Бейрут

10. «Ким» 97
11. Исключительные шансы 104
12. Падение Израиля 110
13. Киоск «Три луны» 121
14. Казино «Медитеране» 130
15. Яхта Гитлера 140
16. Диверсант 153
17. Виселица 157
18. Еврейское государство 167
19. Жоржетта 183

20. Рыжий.....200
21. Домой 213

Эпилог.....220
Примечания по использованным источникам.....228
Благодарность.....263
Примечания 265

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Матти ФРИДМАН

БЕЗРОДНЫЕ ШПИОНЫ

ТАЙНАЯ СТРАЖА У КОЛЫБЕЛИ ИЗРАИЛЯ

(Російською мовою)

Підписано до друку 13.03.2023 р. Формат 60х84 1/16.
Друк цифровий. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 16,75. Тираж 300 прим.

Видавничий дім « С В А Р О Г »
вулиця Гната Юри, 9
м. Київ 02105

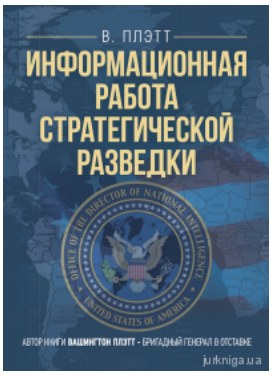
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2581 від 10.08.2006 р.

Книги, які можуть вас зацікавити

Прицельное мышление. Принятие решений по методикам британских спецслужб

Секретная инструкция ЦРУ по технике обманных трюков и введению в заблуждение

Сила воли. Секретные методики спецслужб



Информационная работа стратегической разведки. Основные принципы

Уличные бои. Специфика подготовки и ведения - от Сталинграда до Ирака

Самурай без меча. Перемагай не силою зброї, а силою розуму

Перейти до галузі права
Військове право

ЮРКНИГА
від теорії до практики

Перейти на сайт →